

ПОСЛЕДНИЙ
МАГНАТ

Глава I

Я выросла в мире кино, хотя ни разу не снималась. На день рождения ко мне, пятилетней, пришел Рудольф Валентино — так гласят предания. Я упоминаю об этом, только чтобы показать, что с младенческого возраста могла видеть, как вертятся шестеренки Голливуда.

Одно время меня подмывало написать «Записки дочери продюсера», но в восемнадцать лет не очень это у вас выйдет — засесть за мемуары. И хорошо, что не села: получилось бы нуднее, чем позапрошлогондя колонка Лолли Парсонс. Мой отец на производстве фильмов делал бизнес, как делают бизнес на хлопке и стали, и меня это мало тревожило. Прозу Голливуда я принимала с безропотностью привидения, назначенного обитать в таком-то доме. Я знала, что кинобизнесом надлежит возмущаться, но возмущение упорно не желало приходить.

Легко сказать так, но труднее добиться, чтобы тебя поняли. В Беннингтоне, где я училась, иные из преподавателей литературы притворялись, будто равнодушны к Голливуду и его продукции. А на самом деле — ненавидели, всеми печенками ненавидели кино как угрозу своему существованию. А еще раньше, в монастырской школе, милая монашенка попросила у меня какой-нибудь киносценарий, чтобы по нему «разобрать с ученицами, как сочиняют фильмы»; как сочиняют эссе и рассказы, она уже разбирала. Я достала ей режиссерский сценарий, и она, должно быть, ломала, ломала себе над ним голову, в классе же ни разу не упомянула о сценарии и вернула мне его обратно с оскорбленно-удивленным видом и без всяких комментариев. Как бы и эту мою повесть не вернул мне так читатель.

Можно принимать Голливуд, как я — спокойно и привычно, — а можно отмахиваться от него с презрением, какое мы прибегаем для того, чего не понимаем. Понимание-то здесь достижимо, но лишь смутное, проблесками. Не наберется и полдюжины людей, кто смог когда-либо вместить в уме всю формулу и тайну фильмотворчества. И разобраться в одном из таких людей — вот для женщины средство поглубже вникнуть в этот сложный мир.

Ту картину мира, которая открывается с самолета, я знала. Отец всегда отправлял нас с сестрой из Лос-Анджелеса по воздуху — в школу, затем в колледж, — и домой на каникулы мы тоже летали. Когда я перешла на второй курс, Элинор умерла, и пришлось уже одной летать, и всегда она в полете вспоминалась, и я как-то серьезнела, грустнела. Иногда в самолете мне встречались знакомые голливудцы, а порой симпатичный студентик, но нечасто — наступили уже годы кризиса. Во время полета мне редко давали уснуть мысли о сестре и это ощущение резкого рывка от побережья к побережью; настоящий сон приходил разве лишь, когда позади оставались уже теннессиjsкие аэропорты — небольшие, стоящие на мхуром отшибе.

На этот раз мы летели в непогоду, самолет так болтало, что одни пассажиры сразу же откинули назад спинку кресла и отошли ко сну, а другие предпочли не спать вовсе. Двое из неспавших были мне соседями — я слева от прохода, они справа, — и по их отрывочному разговору я уверенно заключила, что они голливудцы. Один и выглядел типично — немолодой еврей, он то говорил с нервной горячностью, то умолкал издерганно, весь сжавшись, словно собравшись для прыжка; второй же был бледный, некрасивый, коренастый человек лет тридцати, которого я определенно видела где-то раньше. В гости он приходил к нам, что ли. Но, возможно, я еще маленькой тогда была, и я не торопилась обижаться, что он не узнал меня.

Стюардесса — высокая, статная, яркая брюнетка, к каким у авиакомпаний слабость, — спросила меня:

— Может, наклонить вам спинку кресла?.. Аспирина не хотите, милая? — Она шатко пристроилась на подлокотник

кресла рядом, покачиваясь в такт порывам июньского циклона. — Или нембутала таблетку?

— Нет.

— Не спросила вас раньше, провозилась с остальными пассажирами. — Она села в кресло, пристегнула нас обоих предохранительным ремнем. — А пожевать резинку не хотите?

Это напомнило мне, что пора уже расстаться с резинкой, давным-давно навязшей у меня в зубах. Я завернула ее в страничку журнала, сунула в пепельницу с пружинной крышкой.

— Сразу отличишь воспитанных людей, — одобрила стюардесса. — Всегда прежде завернут в бумажку.

Мы посидели рядом в полутьме покачивающегося салона. Смутно это напоминало фешенебельный ресторан в сумерки, в затишье. Все притихли — и задумчивость была не только в позах. Даже стюардесса как бы призабыла, почему и зачем она здесь.

Она заговорила о молодой знакомой мне актрисе, с которой летела в Калифорнию два года назад. Тогда был самый разгар кризиса, и актриса все смотрела в окно так упорно и сосредоточенно, будто собиралась выброститься. Оказалось, впрочем, что ее не нищета, а только революция страшила. «Я знаю, что мы с мамой сделаем, — сообщила она стюардессе по секрету. — Мы укроемся в Йеллоустонском заповеднике и будем жить там простенько, пока все не утихнет. А тогда вернемся. Не убивают же они артистов?»

Этот замысел меня позабавил. Вообразилась прелестная картинка: бурые медведи — добряки и консерваторы — снабжают медом актрису с мамой, а ласковые оленята приносят им от ланей молоко и, напоив, пасутся около, чтобы с приходом ночи живыми подушками лечь в изголовье. В свою очередь, я рассказала стюардессе про юриста и про режиссера, которые однажды вечером в ту грозную пору поделились с отцом своими планами. Если армия безработных ветеранов захватит Вашингтон, то у юриста наготове лодка, спрятанная на реке Сакраменто, и он на веслах поплывет в верховья, пробудет там месяц-другой, а потом вернется, «поскольку

после революций всегда требуются юристы, чтобы урегулировать правовой аспект».

Режиссер настроен был более пессимистически. Он заранее припас старый костюм, рубашку, башмаки — свои ли собственные или взятые в костюмерной, он умалчивал — и собирался «раствориться в толпе». Помню, отец возразил: «Но они взглянут на ваши руки! Они тут же поймут, что вы сто лет не занимались физическим трудом. И спросят у вас профсоюзный билет». И помню, как вытянулось у режиссера лицо, как хмуро поедал он свой десерт и как смешно и мелко звучали все их речи.

— Отец ваш не актер, мисс Брейди? — спросила стюардесса. — Фамилия что-то знакомая.

Услышав слово «Брейди», оба моих соседа встрепенулись, взглянули искоса. Я знаю этот голливудский взгляд, бросаемый через плечо. Затем бледный, коренастый отстегнулся и встал в проходе.

— Вы — Сесилия Брейди? — спросил он обвиняюще, как будто я утаивала это от него. — Так я и подумал сразу. Я — Уайли Уайт.

Имя свое он мог бы и не называть — в эту самую минуту чей-то еще голос произнес: «В сторонку, Уайли!» — и кто-то быстро прошел мимо, направляясь в нос самолета. Уайт вздрогнул и — с некоторым опозданием — задорно огрызнулся:

— Приказывает здесь главный пилот.

Это походило на обычный обмен шуточками между голливудским тузом и его валежом.

— Пожалуйста, потише, пассажиры спят, — сделала стюардесса замечание Уайту.

Немолодой спутник Уайта тоже вскочил с кресла и глядел с какой-то откровенной алчностью вслед проходящему — вслед его спине. А тот, не оборачиваясь, махнул на прощание рукой и скрылся куда-то.

Я спросила стюардессу:

— Это прошел младший пилот?

— Нет, — сказала стюардесса, отстегивая ремень — собираясь бросить меня на произвол Уайли Уайта. — Это мис-

тер Смит. У него отдельная кабина, «свадебная», но только он там один. Младший пилот ходит в летной форме. — Она встала. — Пойду узнаю — наверно, в Нашвилле застрянем.

- Застрянем? — ужаснулся Уайт.
- В долине Миссисипи буря.
- И значит, проторчим там всю ночь?
- Если не стихнет.

Стихать не собиралось — самолет внезапно нырнул, Уайта кинуло в кресло напротив, стюардессу метнуло в сторону кабины экипажа, еврея плюхнуло обратно на сиденье. Нарочито сдержанными восклицаниями, какие подобают опытным воздухоплатателям, мы выразили свое неудовольствие, перевели дух.

— Мисс Брейди — мистер Шварц, — представил Уайт своего спутника. — Кстати, он с вашим отцом друзья-приятели.

Мистер Шварц закивал с большим жаром, как бы клятвенно и громко заверяя: «Правда. Видит Бог, правда».

Пусть когда-то он и мог заявлять так во всеуслышание, но времена переменились, что-то явно с ним стряслось. Вот так, бывает, встретишь знакомого, угодившего в драку или под колеса тяжелого грузовика — и смятого чуть не в лепешку. Таращишь на него глаза, ахаешь: «Что с вами случилось?» А он в ответ бормочет что-то невнятное сквозь обломки зубов и распухшие губы. Он даже рассказывать не в состоянии.

Телесных травм мистер Шварц не получил; взбухший персидский нос и затененные подглазья были у него такими же врожденными чертами, как у моего отца ирландски вздернутый кончик носа и краснота вокруг ноздрей.

— Нашвилл! — возмущался Уайли Уайт. — Придется, значит, кинуть в гостинице. А Побережье улыбнулось до завтрашнего вечера — это в лучшем случае. О господи! Я ведь родился в Нашвилле.

— Что ж, вам будет приятно встреча с родными местами.

— Приятна? Я уже пятнадцать лет сюда не езжу. Хоть бы век их не видеть.

Но Уайту суждено было увидеть их: самолет явно шел вниз, вниз, вниз, как Алиса в кроличью нору. Пригнувшись

к окну, заслоняясь ладонью от света, я увидела вдалеке слева город, мреющий белесым пятном. А зеленая надпись «Пристегнуть ремни. Не курить» зажглась уже давно — со времени влета в циклон.

— Слышал фамилию? — взорвалось очередное нервное молчание Шварца.

— Какую фамилию? — спросил Уайт.

— Которой он назвался. Мистер Смит.

— А что? — спросил Уайт.

— Ничего, — дернулся Шварц. — Просто мне показалось забавно. Смит. Ха-ха. — (Безрадостней смеха я в жизни не слышала.) — Смит.

Своим расположением на отшибе, своей хмурой тишиной аэропорты сродни, по-моему, одним лишь почтовым станциям эпохи дилижансов. Краснокирпичные наши вокзалы строились потом прямо в городах и городках, и сходили с поездов там только жители тех захолустий. Аэропорты же — словно древние оазисы, стоянки на великих караванных путях. Вид авиапассажиров, которые по одному и по двое проходят не спеша в полночные аэропорты, всегда привлекает кучку зевак. Вплоть до двух часов ночи местная молодежь готова глазеть на самолеты, а кто постарше — на пассажиров. Зорко и недоверчиво оглядывать нас — богачей с Побережья, небрежно сходящих посреди Америки со своего трансконтинентального ковра-самолета. Ведь среди нас могла таиться роскошная романтика в облике кинозвезды. Но большей частью ничего такого не таилось. Как я всегда жалела, что мы не выглядим заманчивей, чем есть; вот так и на премьерах часто жалела — когда киноманы смотрят на тебя с презрительным укором за то, что ты не звезда.

Сходя с самолета, я оперлась на руку, протянутую Уайтом, — и вот мы уже с ним друзья. С этой минуты он принялся ухаживать за мной, и я не возражала. Так или иначе, придется вместе коротать часы нашвилльского ожидания — это мне стало ясно сразу. (Я была уже не та простушка, у которой увели парня тогда — в фермерском новоанглийском домике близ Беннингтона. Девушку звали Рейной, он сел с ней к роялю, и я наконец поняла, что я третья лишняя. В исполнении

Гая Ломбарде по радио передавали «В цилиндре» и «Щекой к щеке», и Рейна помогала одолеть мелодию. Звучали клавиши мягко, как падают листья, и ее пальцы поверх его пальцев — она учила его брать «черный» аккорд. Я тогда была на первом курсе.) Мы вошли в здание аэропорта, и мистер Шварц шел с нами, но как во сне.

Мы пытались уточнить у дежурного обстановку, а Шварц все это время стоял, упершись взглядом во входную дверь, словно боялся, что самолет улетит без него. Потом я отлучилась на несколько минут, и что-то без меня произошло; когда я вернулась, вид у Шварца был еще раздавленной, чем раньше. На дверь он уже не глядел. Стоя вплотную к нему, Уайт говорил:

- ...ведь предупреждал я — перестань. Поделом же тебе.
- Я только сказал...

Я подошла, Шварц замолчал; я спросила, какие новости. Была половина третьего ночи.

— Новости те, — сказал Уайли Уайт, — что нас промаринуют здесь три часа по меньшей мере, так что слабачье отправляется в гостиницу. А я хочу свозить вас поглядеть «Эрмитаж» — дом Эндрю Джексона.

— Что же мы увидим в темноте? — сурово спросил Шварц.

- Да час-другой, и рассвет уже.
- Вы поезжайте вдвоем, — сказал Шварц.
- Ладно. А ты двигай в гостиницу. Автобус еще не ушел — и в автобусе сидит Он, — поддразнил Уайли. — Может, и столкнетесь.

— Нет, я с вами поеду, — поспешно сказал Шварц.

Мы вышли, разом окунувшись в загородную мглу, сели в такси, и Шварц словно бы повеселел. Похлопал меня поощрительно по коленке.

— Вас оставлять с ним не годится. Я буду вашим провожатым. Было время, был я человеком денежным, была у меня дочь-красавица.

Он сказал это так, точно дочь забрали кредиторы вместе с другим ценным имуществом.

— Этой нет — другая будет, — утешил Уайли. — Все еще вернется. Новый поворот колеса Фортуны, и ты снова там, где папаша Сесилии. Верно, Сесилия?

— А далеко этот «Эрмитаж»? — помолчав, спросил Шварц. — Где-нибудь у черта на куличках? Как бы нам не опоздать на самолет.

— Да брось, — сказал Уайли. — Зря вот мы стюардессу не взяли тебе для компании. Ты ведь на нее заглядывался. Девчонка и впрямь недурна.

Мы долго ехали по ровной местности, освещенной лунной; мелькнет лишь при дороге дерево, хибарка, дерево; затем дорога запетляла лесом. Даже в сумраке чувствовалось, что деревья здесь зеленые, — нет у листвы этого пыльно-оливкового калифорнийского оттенка. Путь нам преградили три коровы, негр-пастух отогнал их на обочину, коровы замычали. Настоящие, с теплыми, свежими, шелковистыми боками, и негр плавно обозначился из мглы, тоже настоящий. Уайли дал ему четверть доллара, он сказал: «Спасибо вам, спасибо», глядя большими карими глазами, и коровы опять замычали в ночь, нам вслед.

Я вспомнила, как впервые в жизни увидела овец, сотни овец, как наша машина внезапно очутилась в их гуще на пустыре за студией старика Лемле. Овцам-то мало радости было сниматься, но наши спутники все повторяли: «Здорово!» — «Как и требовалось тебе, Дик!» — «Просто здорово!» И тот, кого звали Диком, стоя в позе Кортеса или Бальбоа, озирает из машины серое шерстистое овечье море. Для какого фильма их снимали, я давно забыла (если знала).

Вот уже час мы едем. Проехали через ручей по железному старому дребезжащему мосту с дощатым настилом. Когда мелькает мимо фермерский придорожный домик, там уже поют петухи, колеблются сине-зеленые тени...

— Я говорил вам — рассветет, — сказал Уайли. — Я родился здесь поблизости — сын и наследник оголодалой южной голи. Наш фамильный особняк ныне используют в качестве нужника. Слуг у нас было четверо — отец, мать и две мои сестры. Вступить в их корпорацию я отказался и уехал в Мемфис делать карьеру, и теперь эта карьера уперлась

в тупик. — Он обнял меня за плечи. — Сесилия, позвольте жениться на вас и пристроиться к семейному пирогу Брейди.

Комичный тон обезоруживал, и я прислонилась головой к его плечу.

— Чем занимаетесь, Сесилия? В школу ходите?

— Я учусь в Беннингтонском колледже. На третий перешла.

— О, прошу прощения. Мне бы самому догадаться, но я был лишен преимуществ высшего образования. И на третий перешла! Я читал в «Эсквайре» — третьекурсниц нечему уже учить.

— Почему-то люди думают, что студентки...

— Сесилия, не надо оправданий. Знание — сила и власть.

— Сразу видно голливудца, — сказала я. — Как всегда, безнадежно отстали от века.

Уайли сделал вид, что ошарашен.

— То есть как? Неужели в восточных штатах студентки лишены личной жизни?

— В том-то и дело, что как раз наоборот. Вы становитесь несносны, перемените позу.

— Не могу. Еще Шварца разбужу, а он, по-моему, впервые за полмесяца заснул. Что я вам расскажу, Сесилия: у меня как-то была интрижка с женой одного продюсера. Кратенький романчик. Когда он кончился, она предупредила без обиняков: «Попробуй только проболтайся, и я устрою, что тебя вышвырнут из Голливуда. Мой муж — фигура позначительнее тебя».

Он снова обезоружил меня своим тоном, и тут мы повернули в длинную улочку, запахло жимолостью и нарциссами, и такси остановилось перед серой громадой «Эрмитажа». Водитель повернулся к нам, желая что-то объяснить, но Уайли произнес «ш-ш!», указав на Шварца, и мы тихонько вышли из машины.

— Сейчас не пустят внутрь, — вежливо пояснил водитель.

Мы с Уайли подошли к портику и сели на ступенях у широких колонн.

— Этот мистер Шварц — кто он такой? — спросила я.

— Да ну его. Возглавлял одно время кинофирму — то ли «Ферст нэшнл», то ли «Парамаунт», то ли «Юнайтед артистс». А теперь в глубоком нокауте. Но он еще вернется. В наше лоно нет возврата только алкашам и наркоманам.

— Вам, я вижу, Голливуд не нравится.

— Напротив. Очень даже нравится. Но что за тема для интимной рассветной беседы на ступенях дома Эндрю Джексона.

— А я Голливуд люблю, — не унималась я.

— Отчего же не любить. Золотой прииск в апельсиновом раю. Чья это фраза? Моя! Неплохое местечко для жестких и тертых, но я-то прибыл в Голливуд из Саванны, штат Джорджия. И в день прибытия явился на званый вечер. Хозяин пожал мне руку и ушел от меня. Все было в том саду честь честью: плавательный бассейн, зеленый мох ценой два доллара за дюйм, красивые люди из семейства кошачьих. Они развлекались и пили... А меня не замечали. Ни одна душа. Я заговаривал с пятью или шестью — не отвечают. Так продолжалось час и два, а потом я вскочил со стула и припустил оттуда сумасшедшей рысью. Вернулся в гостиницу, получил из рук портье адресованное мне письмо — и тогда лишь почувствовал, что я снова человек, а не пустота.

Мне самой испытывать подобное, конечно, не приходилось. Но, вспомнив голливудские званые приемы, я подумала, что Уайли не сочиняет. Чужака у нас встречают прохладно, за исключением тех случаев, когда он преуспел уже и сыт и, следовательно, безопасен, — иначе говоря, когда он знаменитость. Но и знаменитость не слишком-то разлетайся к нам.

— Вам бы взглянуть философски, — самодовольно сказала я. — Они ведь не от вас захопнулись так грубо, а от прежде встреченных нахалов.

— Так юна и хороша — и такие умные речи.

На востоке занималась заря, и я видна была Уайту отчетливо — худощавая, изящная, неплохие черты лица и бющий ножками младенец-мозг. Вид у меня на рассвете тогда,

пять лет назад, был чуточку взъерошенный, наверно, бледноватый; но в юности, когда жива иллюзия, будто у приключений плохого конца не бывает, требовалось лишь принять ванну и переодеться — и снова заряжена надолго.

Во взгляде Уайли было одобрение ценителя, очень для меня лестное. Но тут мистер Шварц вдруг нарушил наше милое уединение, подойдя к дому извиняющейся походкой.

— Ключнул носом — стукнулся о металлическую ручку, — сказал он, потирая уголок глаза.

Уайли вскочил.

— Как раз вовремя, мистер Шварц. Сейчас приступаем к осмотру пенатов, где обитал Эндрю Джексон — десятый президент Америки, Старая Орешина, Новоорлеанский победитель, враг Национального банка, изобретатель Системы Дележа Политической Добычи.

— Вот вам сценарист, — обратился Шварц ко мне, как обвинитель к присяжным. — Знает все и в то же время ничего не знает.

— Это что еще такое? — вознегодовал Уайли.

Так он сценарист, оказывается. И хотя мне сценаристы по душе — спроси у сценариста, у писателя, о чем хочешь, и обычно получишь ответ, — но все же Уайт упал в моих глазах. Писатель — это меньше, чем человеческая особь. Или, если он талантлив, это куча разрозненных особей, несмотря на все их потуги слиться в одну. Сюда же я отношу актеров: они так трогательно стараются не глядеть в зеркала, прямо отворачиваются от зеркал — и ловят свое отражение в никеле шандалов.

— Таковы они все, сценаристы, — верно, Сесилия? — продолжал Шварц. — Я не говорун, я практик. Но молча я знаю им цену.

Уайли смотрел на него с медленно растущим возмущением.

— Эта песня мне знакома, — сказал он. — Ты учти, Мэнни, при любой погоде я практичнее тебя. У нас этакий мистик будет полдня расхаживать по кабинету и пороть чушь, которая везде, кроме нашей Калифорнии, обеспечила бы ему

сумасшедший дом. И закружится на том, что он глубочайше практичен, а я фантазер. И посоветует пойти осмыслить его слова на досуге.

Лицо Шварца опять потухло и опало. Один глаз уставился в небо, за высокие вязы. Шварц поднес руку ко рту, безучастно куснул заусеницу на среднем пальце. Понаблюдал за птицей, кружившей над крышей здания. Птица села на трубу, зловещая, как ворон, и Шварц сказал, не своя с нее взгляда:

— В дом сейчас не пустят, и пора вам уже обратно в аэропорт.

Рассвело еще не до конца. Огромная коробка «Эрмитажа» белела красиво, но слегка грустно, осиротело — даже теперь, через сто лет. Мы пошли к машине, сели; мистер Шварц неожиданно захлопнул за нами дверцу, и только тут мы поняли, что он не едет.

— Я раздумал лететь — проснулся и решил не лететь. Останусь здесь, шофер потом за мной приедет.

— Вернешься на Восток? — недоуменно спросил Уайли. — И все лишь потому, что...

— Это решено, — сказал Шварц, слабо усмехнувшись. — Я ведь был человек весьма решительный — на удивление прямо. — Таксист включил мотор, Шварц сунул руку в карман. — Эту записку отдадите мистеру Смигу.

— Мне вернуться часа через два? — спросил водитель.

— Да... конечно. Я похожу тут, полюбуюсь.

Всю обратную дорогу в аэропорт я думала о Шварце: он как-то плохо сочетался с сельским утренним ландшафтом. Долгим был у Шварца путь из городского гетто к грубому камню этой усыпальницы. Мэнни Шварц и Эндрю Джексон — несуразно звучат рядом эти имена. Сомневаюсь, знал ли Шварц, бродя у колонн, кто такой был Эндрю Джексон. Но возможно, ему думалось, что раз уж дом сохранен как реликвия, то, значит, Эндрю Джексон был человек большого сердца, сострадательный и понимающий. В начале и в конце жизни люди тянутся прильнуть — к материнской груди — к милосердной обители. Где можно прикинуть, прилечь, когда ты никому уже не нужен, и пустить себе пулю в висок.

Понятно, что про пулю мы узнали только через сутки. Вернувшись в аэропорт, мы сообщили дежурному, что Шварц не летит дальше, и на этом поставили точку. Циклон ушел на восток Теннесси и погас там в горах, до взлета осталось меньше часа. Из гостиницы явились заспанные пассажиры; я продремала несколько минут на одной из аэропортовых прокрустовых кушеток. Померкший было от нашей трусливой посадки, возжегся понемногу снова ореол рискованного рейса, — мимо нас бодро прошла с чемоданчиком новая стюардесса, высокая, статная, яркая брюнетка, копия своей предшественницы, только вместо французского красносинего платья на ней было льняное, легкое, в голубую полосу. Мы с Уайли сидели, ожидая.

— Отдали мистеру Смиту записку? — спросила я полусонно.

— Да.

— Кто он такой? Это, видимо, он поломал Шварцу планы.

— Шварц сам виноват.

— Не люблю всесокрушающих бульдозеров. Когда отец и дома начинает переть бульдозером, я его осаживаю: «Ты не у себя на студии». — (И тут же я подумала, не цепляю ли на отца ярлык. Ранними утрами слова — бесцветнейшие ярлыки.) При всем при том он вбульдозерил меня в Беннингтон, и я ему за это благодарна.

— То-то будет скрежет, когда бульдозер Брейди и бульдозер Смит сшибутся, — сказал Уайли.

— Мистер Смит с отцом — конкуренты?

— Не совсем. Пожалуй, нет. Но будь они конкурентами, я бы знал, на кого ставить.

— На отца?

— Боюсь, что нет.

В такую рань как-то не тянет проявлять семейный патриотизм... У регистрационного столика стоял пилот и качал головой. Они с администратором разглядывали будущего пассажира, который сунул два пятицентовика в музыкальный автомат и пьяно опустился на скамью, хлопая слипающимися глазами. Прогрохотала первая выбранная им песня, «Без возврата», а затем, после короткой паузы, столь же

бесповоротно и категорически прозвучала вторая, «Погибшие». Пилот решительно мотнул головой и подошел к пассажиру.

- К сожалению, не сможем взять вас на борт, старина.
- Ч-чего?

Пьяный сел прямей; вид у него был жуткий, но черты проглядывали симпатичные, и мне стало жаль его, несмотря на предельно неудачный выбор музыки.

— Возвращайтесь в гостиницу, проспите, а вечером будет другой самолет.

- Другой н-не надо, этот надо.
- На этот нельзя, старина.

От огорчения пьяный свалился со скамьи, а нас, добропорядочных, пригласил на посадку репродуктор, укрепленный над проигрывателем. В проходе самолета я налетела на Монро Стара — чуть не влетела ему в объятия, и я бы не прочь. Любая бы девушка не прочь — все равно, с поощрением Стара или без. В моем случае поощрением и не пахло, но встреча была Стару приятна, и он посидел в кресле напротив, дожидаясь взлета.

— Давайте все вместе потребуем обратно деньги за билеты, — сказал он, пронизывая меня своими темными глазами.

«А какими эти глаза будут у Стара влюбленного?» — подумалось мне. Они смотрели ласково, но как бы с расстояния и чуть надменно, хотя часто взгляд их бывал мягко убеждающим. Их ли вина была, что они видят так много?.. Стар умел мгновенно войти в роль «своего парня» и столь же быстро выйти из нее, и, по-моему, в конечном счете определение «свой парень» к нему не подходило. Но он умел помолчать, уйти в тень, послушать. С высоты (хоть роста он был небольшого, но всегда казалось — с высоты) он окидывал взглядом все деловитое многообразие своего мира, как гордый молодой вожак, для которого нет разницы между днем и ночью. Он родился бессонным и отдыхать был неспособен, да и не желал.

Мы сидели непринужденно, молча, ведь наше с ним знакомство длилось уже тринадцать лет, с той поры, как он стал компаньоном отца, — тогда мне было семь, а Стару двадцать

два. Уайли сел уже в свое кресло, и я не знала, нужно ли их знакомить, а Стар вертел перстень на пальце так самоуглубленно, что я чувствовала себя девочкой и невидимкой и не сердилась. Я и раньше никогда не отваживалась ни отвести от Стара взгляд, ни смотреть на него в упор (разве что хотела важное сказать) — и я знаю, он на многих так действовал.

- Этот перстень — ваш, Сесилия.
- Прошу прощения. Я просто так засмотрелась...
- У меня полдюжины таких.

Он протянул мне перстень — вместо камня самородок с выпукло-рельефной буквой S. Я потому и засмотрелась, что массивность перстня была в странном контрасте с пальцами — изящными и тонкими, как все худое тело и как тонкое его лицо с изогнутыми бровями и темными кудрявыми волосами. Порой Стар казался бестелесным, но он был настоящий боец; человек, знавший его в Бронксе лет двадцать назад, рассказывал, как этот хрупкий паренек идет, бывало, во главе своей мальчишней ватаги, кидая изредка приказ через плечо.

Стар вложил подарок мне в ладонь, свел мои пальцы в кулак и встал с кресла.

— Пойдем ко мне, — обратился он к Уайту. — До свиданья, Сесилия.

Напоследок я услышала, как Уайли спросил:

- Прочел записку Шварца?
- Нет еще.

Я, должно быть, тугодумка: только тут я сообразила, что Стар — тот самый мистер Смит.

Потом Уайли сказал мне, что было в записке. Нацарапанная при свете фар, она читалась с трудом.

Дорогой Монро, лучше Вас в Голливуде нет никого, я всегда восхищался Вашим умом, и если уж Вы отворачиваетесь, значит, нечего и рыпаться. Видно, я совсем стал никуда, и я не лечу дальше. Еще раз прошу, берегитесь! Я знаю, что говорю.

*Ваш друг
Мэнни.*

Стар прочел ее дважды, взялся пальцами за свой шершавый с утра подбородок.

— У Шварца нервы сдали безнадежно, — сказал он. — Тут ничего нельзя сделать — абсолютно ничего. Жаль, что я вчера резко с ним обошелся, но не люблю, когда проситель уверяет, что это ради моего же блага.

— Возможно, так оно и есть, — возразил Уайли.

— Прием это негодный.

— А я бы на него попался, — сказал Уайли. — Я тщеславен, как женщина. Притворись лишь кто-нибудь, что мое благо ему дорого, — и я тут же уши развешу. Люблю, когда дают советы.

Стар покачал головой, морщась. Уайли продолжал его поддразнивать — он был из тех немногих, кому это позволялось.

— Но и Стар клюет на определенный сорт лести, — сказал Уайли. — На «Наполеончика».

— Меня от лести мутит, — сказал Стар. — Но еще сильнее мутит, когда пекутся «о моем же благе».

— Но если не любишь советов, зачем тогда платишь *мне*?

— Тут вопрос купли-продажи, — сказал Стар. — Я делец. Покупаю продукцию твоего мозга.

— Ты не делец, — сказал Уайли. — Я их знавал, когда работал в рекламном отделе, и я согласен с Чарльзом Фрэнсисом Адамсом.

— В чем именно?

— Он знал их досконально — Гулда, Вандербилта, Карнеги, Астора — и говорил, что ни с единым дельцом его не тянет встретиться в грядущей жизни. А со времен Адамса они не стали лучше, и потому я утверждаю: ты не делец.

— Брюзга был Адамс, надо думать, — сказал Стар. — Не прочь бы и сам стать воротилой, но не было у него деловой сметки или же силы характера.

— Зато был интеллект, — резковато сказал Уайли.

— Интеллект здесь — еще не все. Вы — сценаристы и актеры — выдыхаетесь, сумбурите, и приходится кому-то вмешаться и выправить вас. — Он пожал плечами. — Вас

слишком задевает все, вы кидаетесь в ненависть и обожание: люди в ваших глазах всегда так значимы, особенно вы сами. Вы прямо напрашиваетесь на то, чтобы вами помыкали. Я люблю людей и хочу, чтобы меня любили, но я не раскрываюсь, не выворачиваю душу наизнанку... Что я сказал Шварцу там, в аэропорту? — спросил он, меняя тему. — Не помнишь в точности?

— Вот точные слова: «Чего бы вы от меня ни добивались, ответ будет один — нет».

Стар молчал.

— Он совсем было сник после этого, — продолжал Уайли, — но я его вышутил, пошпынял, расшевелил немного. Мы прокатились в такси с дочкой Пата Брейди.

Стар вызвал звонком стюардессу.

— Пилот не будет против, — спросил он, — если я посижу с ним у штурвала?

— Правила не разрешают, мистер Смит.

— Попросите его, пусть на минуту зайдет сюда, когда освободится.

Стар просидел рядом с пилотом всю вторую половину дня. Одолев нескончаемую пустыню, самолет плавно шел над плоскогорьями, окрашенными многоцветно, — так мы, бывало, в детстве расцвечивали белый песок. Ближе к вечеру под нашими пропеллерами скользнули знакомые пики гор Фрозен-Со — мы приближались к дому.

Я дремала, а в промежутках думала о том, что хочу за Стара замуж, хочу влюбить его в себя. Ох, воображала желторотая! Ну что б я могла ему дать? Но об этом я тогда не думала. Мной владело молодое женское тщеславие, черпающее силу из возвышенных соображений типа «я не хуже, чем она». Для семейного употребления красота моя была ничем не хуже красоты кинобогинь, которые, понятно, так и вешались ему на шею. А живая во мне струйка интеллектуальных интересов, уж конечно, делала меня дорогим украшением светских и артистических салонов.

Теперь-то мне понятно, что это был бред. Хотя взамен колледжа у Стара за плечами были всего-навсего вечерние

курсы стенографов, он давно уже пробился сквозь умственное бездорожье и чащобу на просторы, куда мало кто мог прорваться за ним. Но я тщеславно и дерзко считала, что мои серые глаза полукавей его темно-карих, что сердце Стара, тормозимое уже годами перегрузок, не устоит перед моим, упругим от гольфа и тенниса. И я строила планы, вынашивала замыслы, интриговала — об этом любая женщина может порассказать, — но не добилась ровно ничего. Мне и теперь хочется верить, что, будь он небогат и ближе ко мне возрастом, я бы достигла цели, — но правда вся, конечно, в том, что мне нечего было предложить ему нового духовно. То, что во мне от романтики, в основном навеяно фильмами — «42-я улица», к примеру, сильно повлияла на меня. Очень, очень вероятно, что сформировалась я именно на фильмах, из числа созданных Старом.

Так что дело было безнадежное. Ведь пережеванное не вкусно — в области чувств это особенно верно.

Но тогда мне думалось иначе: может помочь отец, может помочь стюардесса. Вот войдет она в кабину экипажа, скажет Стару: «Какую любовь прочла я в глазах этой девушки».

Может пилот помочь: «Пора прозреть, приятель! Жми немедленно к ней!»

Может помочь Уайли Уайт — вместо того чтобы стоять в проходе и глядеть нерешительно, не зная, сплю я или нет.

— Садитесь, — сказала я. — Что нового? Где мы?

— Мы в воздухе.

— Неужели. Садитесь же. — Я изобразила живой и бодрый интерес. — Что вы пишете сейчас?

— Сценарий о бойскауте, о Великом Бойскауте. Бедная моя голова!

— Идея принадлежит Стару?

— Не знаю, но он мне предложил ее разработать. У него, возможно, еще десять сценаристов до или после меня усажены за ту же разработку — по системе, которую он столь мудро изобрел. Значит, влюбилась в него, Сесилия?

— Вот еще, — сердито фыркнула я. — В человека, которого знаю сто лет.

— Значит, по уши и безнадежно? Что ж, берусь устроить ваше счастье, если вы употребите все влияние, чтобы продвинуть меня. Мне нужна собственная творческая группа.

Я закрыла глаза и уплыла в сон. Проснулась — стюардесса укрывает меня пледом.

— Скоро будем на месте, — сказала она.

В иллюминатор видно в свете заката, что под нами пошла местность уже зеленой.

— Я слышала сейчас потешный разговор, — сообщила стюардесса. — В кабине у пилотов. Мистер Смит — или мистер Стар — ни разу не встречала в фильмах эту фамилию...

— Он никогда не ставит ее в титрах, — пояснила я.

— А-а. Ну, так он там все спрашивал пилотов о летном деле. Он что, вправду этим интересуется?

— Да.

— То-то первый пилот готов был со мной спорить, что за десять минут выучит Стара вести самолет. Светлая голова, говорит.

— И что же тут потешного? — спросила я с некоторым раздражением.

— Ну, потом Стара спрашивают: «Мистер Смит, а ваше дело вам нравится?» А тот в ответ: «Еще бы. Безусловно нравится. Приятно чувствовать, что пусть у всего экипажа мозги набекрень, но у тебя строго по гироскопу».

Стюардесса расхохоталась. (Тьфу, глупая.)

— Это он про голливудских — экипаж с мозгами набекрень. — Она неожиданно оборвала смех и, сдвинув брови, встала. — Пойду, надо графы заполнить.

— Всего хорошего.

Итак, Стар, вознеся пилотов к себе на престол, делился секретами управления. Спустя год или два я летела с одним из тех пилотов, и он припомнил, что говорил тогда Стар, глядя на горы.

— Допустим, вы путеец, железнодорожник, — говорил он. — Вам надо пробить трассу где-то здесь через горы. Топографы дают вам карты, и вы видите, что возможны четыре, пять, шесть вариантов, каждый не хуже другого. А вам надо

решать — на основании чего же? Проверить выбор можно, только проложив трассу. И вы решительно ее прокладываете.

— То есть? — не понял пилот.

— То есть делаете выбор по чутью — потому лишь, что эта вот гора приглянулась своим розоватым оттенком или та вот схема дана отчетливей на синьке. Понимаете?

Пилот счел совет весьма ценным. Но усомнился, представится ли случай применить его.

— Я другое хотел узнать, — сказал мне пилот со вздохом. — Узнать, как это он сделался мистером Старом.

Вряд ли Стар ответил бы — зародыш памятью не обладает. Но я бы кое-что смогла объяснить. В юности он взлетел на крепких крыльях ввысь — и все царства мира обозрел глазами, способными не мигая глядеть на солнце. Неустанным, упорным, а под конец — яростным, усилием крыльев он продержался там долго — немногим удастся это — и затем, запечатлев сущность вещей, как видится она с громадной высоты, спустился постепенно на землю.

Моторы стихли, и всеми своими пятью чувствами мы приготовились к посадке. Впереди и слева пунктирами огней обозначилась военно-морская база Лонг-Бич, справа замерцала, размыто засветлела Санта-Моника. Огромная и оранжевая, вставала калифорнийская луна над Тихим океаном. Что бы ни ощущала я в ту минуту — а как-никак это была встреча с родиной, — но убеждена и знаю, что ощущения Стара были намного сильнее. Огни, луна и океан явились мне без поисков, сами собой, как овцы на студии старого Лемле; Стар же именно сюда пожелал спуститься после того необычайного и озаряющего взлета, когда он сверху увидел, куда и как мы движемся и что в движении нашем красочно и важно. Могут возразить, что Стара занесло сюда случайным ветром, но я не верю. Мне хочется думать, что в этом взлете, в этом «дальнем общем плане» ему открылось новое мерило наших суматошных надежд и порывов, ловких плутней, нескладных печалей и что приземлился он здесь, чтобы уж до конца быть с нами, — по собственному выбору. Как этот самолет, идущий вниз на Глендейльский аэропорт, в теплую тьму.

Содержание

ПОСЛЕДНИЙ МАГНАТ. Роман. Перевод О. Сороки 7

РАССКАЗЫ

Загадочная история Бенджамина Баттона

Перевод Е. Калявиной 151

Алмазная гора. *Перевод В. Муравьева* 182

Молодой богач. *Перевод В. Хинкиса* 223

Решение. *Перевод М. Загота* 269

«Самое разумное». *Перевод С. Белокриницкой* 287

Первое мая. *Перевод Т. Озерской* 303

Ледяной дворец. *Перевод В. Харитонова* 367

Последняя красавица Юга. *Перевод Татьяны Ивановой* 395

Две вины. *Перевод И. Бернштейн* 415

Бурный рейс. *Перевод А. Кистяковского* 440

Пловцы. *Перевод М. Корневой* 464

Сумасшедшее воскресенье. *Перевод И. Архангельской* 490

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Последний магнат : роман, рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. И. Архангельской, С. Белокриницкой, И. Бернштейн и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-21116-2

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Его книгами зачитывались при жизни, их экранизировал Голливуд, он главный персонаж светских хроник и притча во языцах у современников. Прошло время, схлынула пена дней, забылись эксцентрические выходки и скандалы, остались его произведения — подлинные бриллианты в литературе всех времен и народов, повлиявшие на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. В настоящий сборник вошел последний роман Фицджеральда «Последний магнат», а также лучшие рассказы автора, каждый из которых — настоящий шедевр короткой прозы.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ПОСЛЕДНИЙ МАГНАТ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.03.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-30047-01-R